

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9)

EDN [BAVFEO](https://www.edn.ru/BAVFEO)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Соколова А. А.

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Калачикова О. Н.

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

E-mail: onk82@yandex.ru

Для цитирования: Соколова, А. А. Территориальная идентичность и миграционные настроения жителей Вологодской области / А. А. Соколова, О. Н. Калачикова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 138–156. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9). EDN [BAVFEO](https://www.edn.ru/BAVFEO).

Аннотация. Целью научной статьи является выявление взаимосвязей между миграционными настроениями населения Вологодской области (как модельного региона, которому свойственна миграционная и естественная убыль) и территориальной идентичностью, удовлетворенностью жизнью, уверенностью в собственном будущем и родительскими представлениями о возможных миграциях своих детей. Исследование основано на данных социологического опроса «Социокультурный портрет региона России» (волна 2023 г.). По его итогам выявлено, что значительная часть жителей Вологодской области испытывает положительные эмоции от проживания на малой родине и не имеет ярко выраженных миграционных настроений. Но, несмотря на это, треть респондентов демонстрирует амбивалентные чувства к области: они позитивно относятся к региону проживания, однако их многое не устраивает, что сопровождается более выраженной допустимостью переезда в дальнейшем. Особое внимание уделено межпоколенческому аспекту миграционных настроений: немалая часть родителей, имея положительное отношение к региону проживания, рассматривает миграцию детей в крупные города и столицу как предпочтительный вариант. Это отражает двойственную логику восприятия региона респондентами-родителями – как комфортной среды для жизни, но не как пространства для перспектив будущих поколений. Возраст и уровень образования оказывают влияние на миграционные настроения, как в отношении самих участников опроса, так и в отношении их детей. Так, молодежь чаще готова рассматривать переезд, в то время как старшее поколение в основном предпочитает остаться в родном регионе и больше, чем в половине случаев желает, чтобы дети также связали свое будущее с Вологодской областью. Вологжане с послевузовским образованием реже хотели бы переехать сами, вместе с тем зачастую поддерживают миграцию своих отпрысков в крупные города. Респонденты, удовлетворенные жизнью и уверенные в завтрашнем дне, чаще хотят, чтобы их дети строили будущее на малой родине, чем те, кто не испытывает подобных чувств. Особую актуальность исследованию придает обстоятельство того, что родители играют важную роль в формировании и реализации миграционных настроений детей. Полученные результаты подчеркивают значимость учета миграционных настроений и территориальной идентичности населения при формировании региональной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, территориальная идентичность, миграционные намерения, миграционные настроения, миграционные установки, региональная миграция, Вологодская область

Введение

Вопрос регулирования миграции в условиях депопуляции и дефицита кадров, дисбалансов на локальных рынках труда стоит особенно остро. Регионы и муниципалитеты в такой ситуации ориентированы на сокращение миграционного оттока, закрепление населения на своих территориях. Вологодская область относится к группе субъектов, в которых депопуляция обусловлена и естественной, и миграционной убылью. На сегодняшний день большая часть жителей области (72,7%)

проживает в городах, что свидетельствует о высокой концентрации расселения. Малые города и сельские территории теряют жителей, что приводит к деградации социальной инфраструктуры, снижению доходов местных бюджетов и дальнейшему усилению оттока населения [1]. Традиционно, наиболее интенсивно в миграцию вовлечена молодежь [2]. Основными направлениями отъезда молодых людей становятся крупные города России [3], в которых молодежь ищет более привлекательные образовательные и карьерные возможности, при этом доступность образования и уровень зарплат в крупных городах продолжают оказывать сильное притягивающее влияние.

Факту перемены места жительства предшествует подготовительный этап, когда у индивида возникают мысли о гипотетическом переезде, формируются миграционные установки и намерения, которые, как правило, являются предикторами миграции [4]. Согласно теории трехстадийности миграционного процесса, миграционная подвижность различается у лиц с разнородными социально-демографическими характеристиками [5]. Исследователи отмечают, что на миграционные установки влияет комплекс факторов, которые выходят за рамки сугубо социально-экономических причин [6]. К примеру, среди демографических факторов выявлено влияние возраста и образования: наиболее выраженные миграционные намерения наблюдаются у представителей молодого возраста [1] и у индивидов, имеющих хорошее образование [7]. Кроме того, установлены предикторы, комплексно характеризующие самоощущение человека относительно своей жизни, включая отношение к месту жительства: низкий уровень удовлетворенности жизнью усиливает миграционные настроения [8; 9], а восприятие региона как «неперспективного» [4] или «проблемного» [10] заставляет задуматься индивидов о том, чтобы покинуть текущее место проживания. В то же время привязанность к месту жительства и локальная идентичность способны сдерживать миграционные потоки, особенно среди молодежи [11].

На этапе формирования миграционных установок мнение членов семьи имеет большое значение: социальные связи и семейные ценности могут, как стимулировать, так и сдерживать миграцию [11–13]. Родители часто играют в этом процессе важную роль [4], поскольку могут выступить в качестве организаторов и спонсоров будущей миграции детей, но также и повлиять на принятие решения ребенком остаться учиться и работать после окончания школы в родном населенном пункте, регионе. Исследования показывают, что родительские установки относительно будущего детей формируются задолго до получения ими основного среднего образования и являются хорошо обдуманной семейной стратегией [14]. В отношении будущих своих детей родители стремятся, с одной стороны, обеспечить доступ к лучшему образованию, карьерным возможностям и финансовому благополучию на территории иного населенного пункта [13; 15], а, с другой – сохранить семейные связи. В некоторых случаях миграция рассматривается как миграционный «трамплин» для всей семьи – сначала переезд осуществляется ребенком, а после того, когда он закрепится на новом месте, к нему переезжает вся семья [16].

Формирование позитивного образа региона, поддержка местных сообществ и развитие городской среды – важные инструменты, способствующие сохранению населения на местах [12]. Необходимо понимать, что удержание молодежи

в регионе невозможно без комплексного улучшения социальных условий, развития рынка труда и образовательной среды. Также не стоит забывать о том, что при формировании политики по снижению оттока молодежи из региона следует воздействовать не только на молодых людей, но и на их родителей, поскольку те оказывают значимое влияние на будущее своих детей.

Материалы и методы

Выполненное исследование основано на данных опроса «Социокультурный портрет регионов России», который с 2008 г. проводится в Вологодской области. Опрос охватывает широкий спектр характеристик – от демографической структуры и культурного капитала до факторов трудовой активности, качества жизни и эффективности управления. Инструментарий опроса строится на антропосоциокультурном подходе, который дает возможность глубже понять социальное самочувствие жителей, их привязанность к месту проживания и формирование миграционных настроений [17].

В настоящей статье анализируются данные последней волны опроса 2023 г.¹, выборка которого составила 1800 респондентов (гг. Вологда, Череповец и восемь муниципальных районов) с ошибкой выборки не более 3%, что гарантирует репрезентативность полученных результатов. Итоги опроса по Вологодской области за 2023 г. впервые предоставили возможность изучить мнения родителей о желательных сценариях миграционного будущего детей, поскольку в анкету был включен дополнительный вопрос, позволивший выявить миграционные настроения самих родителей относительно потенциального переезда их детей.

Для анализа использовались такие характеристики респондентов, как возраст, уровень образования и место проживания (в разрезе: крупные города – Вологда и Череповец, районы², область в целом), что помогло установить особенности территориальной идентичности опрашиваемых, а также рассмотреть миграционные настроения³ интервьюируемых с различными характеристиками.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу миграционных настроений населения региона через параметры удовлетворенности жизнью, уверенности в своем будущем и межпоколенческих миграционных установок. Критерий удовлетворенности жизнью был отобран нами, поскольку высокий уровень удовлетворенности местом проживания может снижать вероятность миграционных настроений, а введение критерия уверенности в будущем тем, что

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Социокультурный портрет регионов России» № 2024623834 от 30.08.2024 г.

² После муниципальной реформы 2021 г. в Вологодской области насчитываются два городских округа, 20 муниципальных округов и шесть муниципальных районов.

³ В нашем исследовании мы употребляем термин «миграционные настроения», поскольку вопрос, который мы используем для анализа, в своей формулировке содержит аффективную составляющую, то есть напрямую осведомляется о чувствах респондентов, а не о конкретных планах о переезде. А именно: «Какие чувства Вы испытываете к региону своего проживания?». В отношении детей был использован тот же термин, поскольку опрос фокусируется на субъективных желаниях родителей, касающихся их детей. Полученные ответы (например, «Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там» и т. д.) выявляют эмоциональные предпочтения и личные ожидания родителей, а не четкие намерения или конкретные планы относительно будущего места жительства детей.

вопросы, касающиеся миграции детей, ориентированы на будущее. Такой подход расширяет представление о миграционных решениях не только как о социально-экономическом, но и как о ценностно-эмоциональном феномене.

Эксплорация имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, исследование основано на данных опроса населения Вологодской области, что делает затруднительной экстраполяцию результатов на другие регионы России. Во-вторых, вопросы опросника преимущественно сосредоточены на аффективной компоненте, что ограничивает возможность оценки реальных поведенческих аспектов в отношении принятия решения о миграции. В-третьих, ответы на вопросы, касающиеся миграционных настроений респондентов-родителей применительно к их детям, основаны на субъективных предположениях самих участников исследования. В-четвертых, результаты анализа представляют собой срез данных только за 2023 г., что не позволяет нам определить, как могли бы повлиять средовые факторы на изучаемый феномен. И наконец, исследование не охватывает весь спектр возможных детерминант, которые отражают проблемы территориальной идентичности и миграционных настроений, но открывает перспективы для дальнейших исследовательских работ.

Результаты исследования

В целом население Вологодской области характеризуется склонностью к оседлости: согласно данным опроса, менее 4% жителей хотели бы уехать в другой регион России, а желание эмигрировать выражают лишь 1,2% (рис. 1). Наибольшее количество намеревающихся переехать в другой регион РФ наблюдается в г. Череповце (4,4%), а наименьшее – у жителей районов области (2,6%)⁴.

Треть респондентов выбирает промежуточный вариант ответа: «В целом доволен, но многое не устраивает», что может говорить об амбивалентном отношении к месту жительства. С одной стороны, они признают наличие положительных сторон, но с другой – испытывают неудовлетворенность по ряду аспектов. Такие настроения представляют собой потенциал для формирования миграционных установок, так как человек, сравнивая текущее место жительства с предполагаемым, может начать задумываться о переезде. Если неудовлетворенность начнет перевешивать положительные стороны, такие мысли могут трансформироваться в оформленные миграционные намерения. Доля амбивалентно настроенных участников опроса также варьируется в зависимости от территории. В Вологде их

⁴ В данном контексте следует отметить, что доля респондентов, выразивших желание покинуть регион, отражает только миграционные настроения населения. Важно разграничивать данные миграционной статистики и субъективные установки, поскольку выраженные миграционные настроения соответствуют первой стадии миграционного процесса, где формируются мысли и установки на миграцию, которые не эквивалентны реальным пространственным перемещениям, фиксируемым статистикой, которые относятся ко второй стадии миграционного процесса, где осуществляется фактический акт переезда. Согласно статистическим данным по Вологодской области за 2023 г., миграционная убыль населения была равна 798 человек; при общей численности населения 1 125 062 человек доля выбывших составила 1,8% (20 075 человек), что сопоставимо с долей респондентов, выразивших в ходе опроса миграционные настроения (Источник: Демографический ежегодник Вологодской области за 2023 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда : Вологдастат, 2024. 84 с.).

наименьшее количество (26,6%), однако даже здесь это составляет четверть опрошенных. В Череповце их доля значительно выше – 42,1%, что свидетельствует о большей распространенности критического отношения к месту жительства и более высоком уровне притязаний.

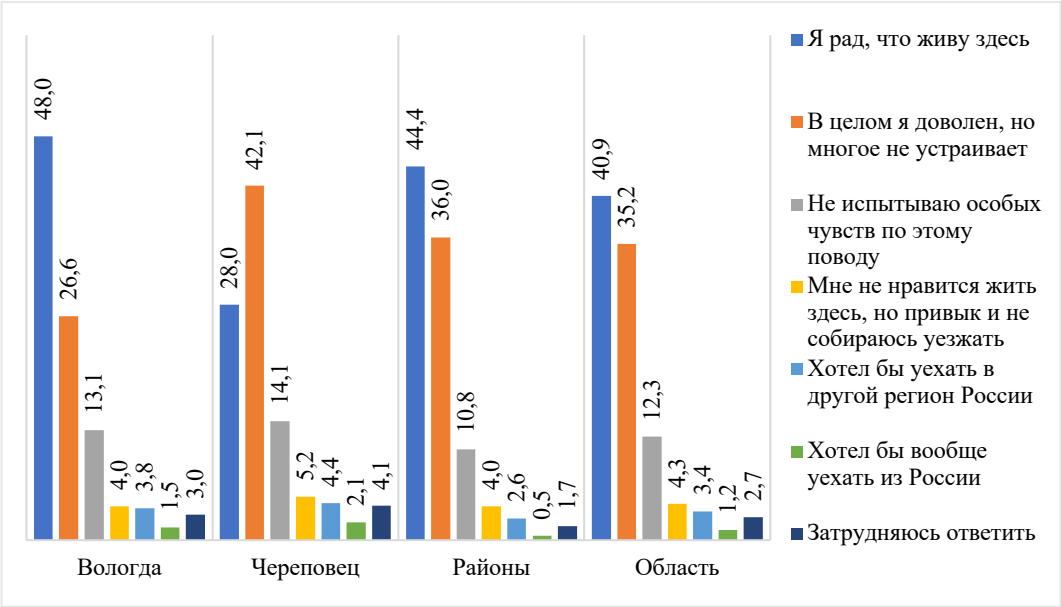

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», 2023 г. (%)

Fig. 1. Distribution of responses to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?”, 2023 (%)

Источник: здесь и далее рассчитано автором по данным опроса «Социокультурный портрет Вологодской области» 2023 г.

Практически половина жителей г. Вологды испытывает положительные эмоции по отношению к своему месту жительства (48%), тогда как в г. Череповце этот показатель ниже (28%). В сельских районах области уровень удовлетворенности составляет 44,4%.

Во всех возрастных группах, за исключением молодых людей в возрасте 18–24 лет (33,8%), большинство респондентов заявляют об удовлетворенности жизнью в месте своего постоянного проживания. Так, наибольшая доля опрошенных, испытывающих чувство удовлетворения, зафиксирована среди людей в возрастных категориях 25–34 года (41,9%) и старше 60 лет (44,2%) (рис. 2). В то же время разброс значений доли тех, кто в целом доволен территорией своего проживания, но все же испытывает недовольство по поводу многих аспектов, незначителен: она варьируется от 31,3% в группе 25–34 лет до 37,3% в группе 18–24 лет.

Доля тех, кто открыто заявляет об антипатии в отношении своего текущего места жительства и нежелании покинуть его выше у респондентов из старших возрастных групп: наибольшие значения доли достигают пика в возрастной группе старше 60 (55) лет (5,3%). Такая закономерность может объясняться возрастными

особенностями, поскольку люди старшего возраста чаще склонны к стабильности и привязанности к своему дому, близким людям и социальной среде, у них короче горизонт планирования, что снижает их готовность к переезду, даже если место проживания их не полностью устраивает.

Больше всего желающих переехать в другой регион страны наблюдается среди молодежи 18–24 лет (7,7%) и 25–34 лет (6%). В более старших возрастных группах эта доля ниже, что может быть связано с ростом семейных и профессиональных обязательств, а также с уменьшением мобильности. Молодежь легче воспринимает перемены и активно ищет новые возможности, что объясняет их стремление к переезду. Кроме того, молодые люди (возрастная группа 18–24 года) демонстрируют чуть больший уровень интереса к переезду за границу (4,2%), чем население в остальных возрастных группах.

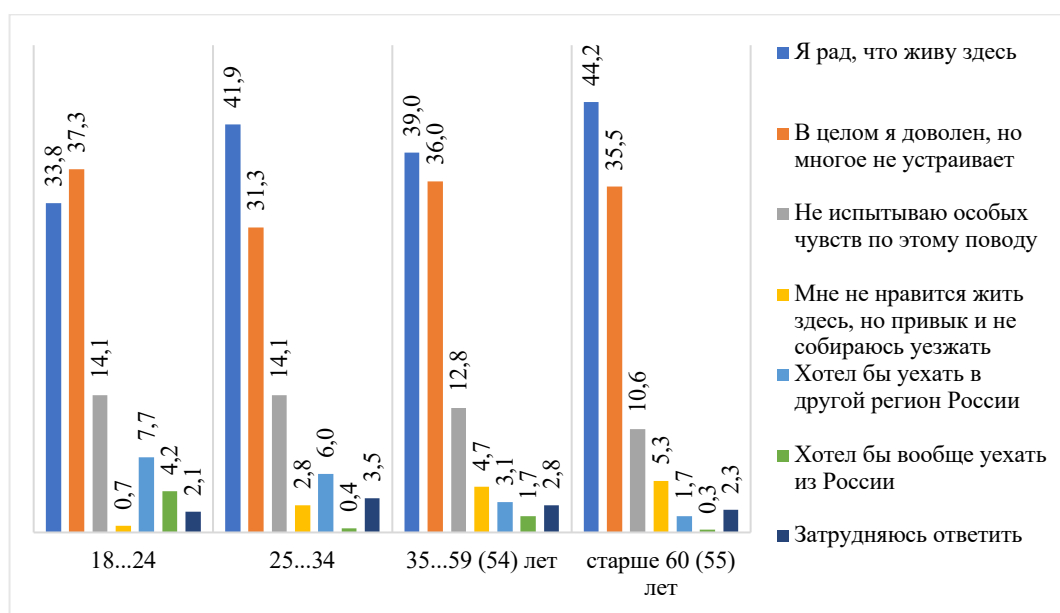

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по возрастным группам, 2023 г. (%)

Fig. 2. Distribution of answers to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?” by age group, 2023 (%)

Наиболее удовлетворены жизнью в Вологодской области люди с послевузовским образованием⁵ – 57%, что может быть связано с их устойчивым социальным статусом и возможностями профессиональной реализации (рис. 3). Среди остальных групп показатели одинаковы: для начального – 40%, среднего – 41% и высшего

⁵ В данном случае очень важно учесть, что результаты, касающиеся участников опроса с послевузовским образованием, требуют при интерпретации особой осторожности. Это связано как с их малочисленностью в общей численности населения, так и с ограниченной представленностью данной группы в выборке, где их доля не превышает значений ошибки выборки. Следовательно, выводы о данной категории респондентов следует рассматривать как ориентировочные и учитывать их низкую репрезентативность.

образования – 41%. Люди с послевузовским образованием реже выбирают вариант ответа «В целом я доволен(а), но многое не устраивает» – 24%. Индивиды с начальным, средним и средним общим образованием имеют наибольшие значения доли среди всех остальных групп по данному варианту ответа – 38%. Самая большая доля желающих уехать в другой регион РФ зафиксирована среди людей со средним специальным образованием – 4%, в группе с послевузовским образованием их вообще нет – 0%.

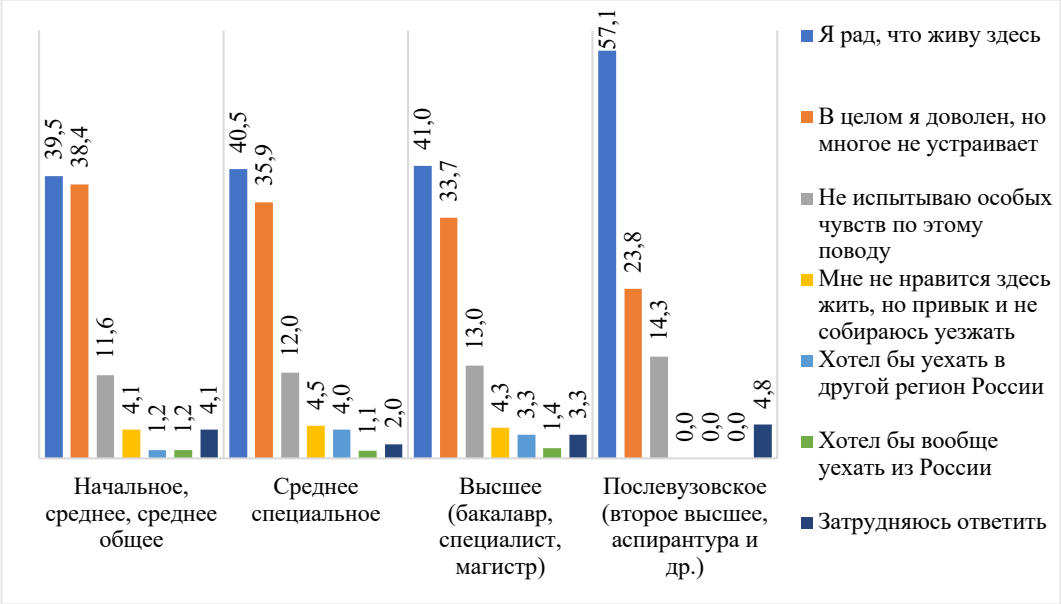

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по образовательной структуре, 2023 г. (%)
Fig. 3. Distribution of answers to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?” by educational structure, 2023 (%)

Результаты проведенного опроса демонстрируют взаимосвязь между уровнем удовлетворенности жизнью, уверенностью в завтрашнем дне и отношением к месту текущего проживания (рис. 4). Так, респонденты, удовлетворенные жизнью, значительно чаще заявляют, что рады жить в своем населенном пункте (50,7%), чем неудовлетворенные (19,2%). Что является закономерным, поскольку общая удовлетворенность жизнью обычно связана с положительной оценкой окружения, включая территорию проживания.

Уверенные в собственном будущем в два раза чаще, чем неуверенные, высказывались о том, что довольны своим текущим местом проживания (51,6% против 22,5%). Те, кто не испытывает особых чувств к месту жительства, зачастую принадлежат к группам, испытывающим неуверенность в грядущих днях (16,9%) или неудовлетворенность жизнью вообще (17,6%). Среди удовлетворенных местом проживания и уверенных в своем будущем (9,0% и 9,2% соответственно) аналогичные значения практически в два раза ниже. Желание переехать в другой регион более характерно для неудовлетворенных жизнью (5,8%), чем для удовлетворенных (2,6%).

В то же время уверенность в завтрашнем дне незначительно влияет на желание сменить регион: доли уверенных (3,0%) и неуверенных (3,7%) почти равны.

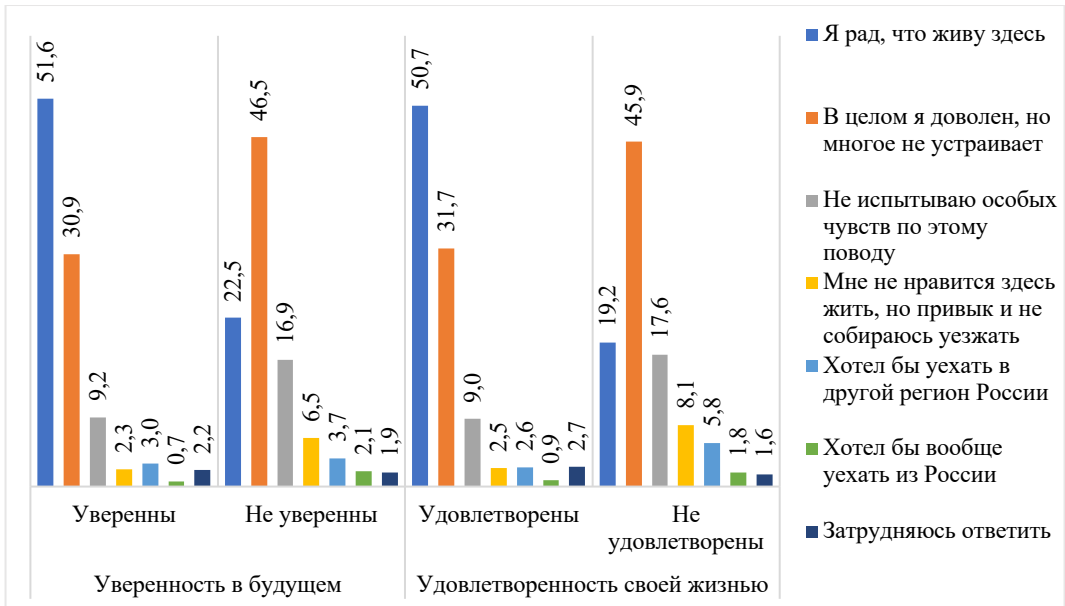

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по степени удовлетворенности своей жизнью и уверенности в будущем, 2023 г. (%)

Fig. 4. Distribution of responses to the question: "What feelings do you have in relation to the region of residence?" by the degree of satisfaction with your life and confidence in the future, 2023 (%)

Больше половины участников опроса (62,7%), которые рады жить в месте своего проживания, хотели бы, чтобы их дети построили жизнь на малой родине (рис. 5). Треть респондентов (32,8%) из этой группы предпочла бы, чтобы дети уехали в крупные города, а примерно четверть (27,8%) – в столицу РФ. Это свидетельствует о том, что родители в целом отдают предпочтение крупным региональным центрам. Возможной причиной также может быть восприятие крупных городов как весьма комфортных для жизни и не столь перегруженных, как Москва или Санкт-Петербург, а кроме того, наличие в них возможностей для карьерного роста и образования при более доступных условиях проживания. Такая тенденция равным образом соотносится и с поселенческой иерархичностью миграционных процессов [15].

Больше трети (40,1%) амбивалентно настроенных опрошенных хотели бы, чтобы дети продолжили жить на территории нынешнего места проживания. Доля тех, кто желал бы, чтобы отпрыски построили свою жизнь в крупных городах страны незначительно выше (на 2,7 п. п.), чем в предыдущей группе, а доля тех, кто видит будущее детей в столице, ниже (на 4,6 п. п.)

Группа населения, которая не испытывает особых чувств к региону своего проживания, в основном предпочитает видеть будущее собственных детей

в крупных городах России (43,3%) и в столице (29,3%). В то время как другая категория респондентов, которым не нравится их место проживания, однако в силу своих поведенческих паттернов не собирающихся переезжать, частично транслирует следующие настроения в отношении миграции детей: половина респондентов (50,6%) хотела бы, чтобы их отпрыски продолжали жить в привычном для них месте.

Миграционно настроенные респонденты меньше, чем другие группы интервьюируемых, желали бы, чтобы их дети связали свое будущее с регионом проживания (36,7%). В данной группе в большей степени становится заметным увеличение доли ответов относительно миграции детей в столицу (59,0%) и в крупные города (54,1%). Таким образом, здесь наблюдается взаимосвязь между собственными миграционными намерениями взрослых респондентов и их предпочтениями в отношении возможной миграции подрастающего поколения.

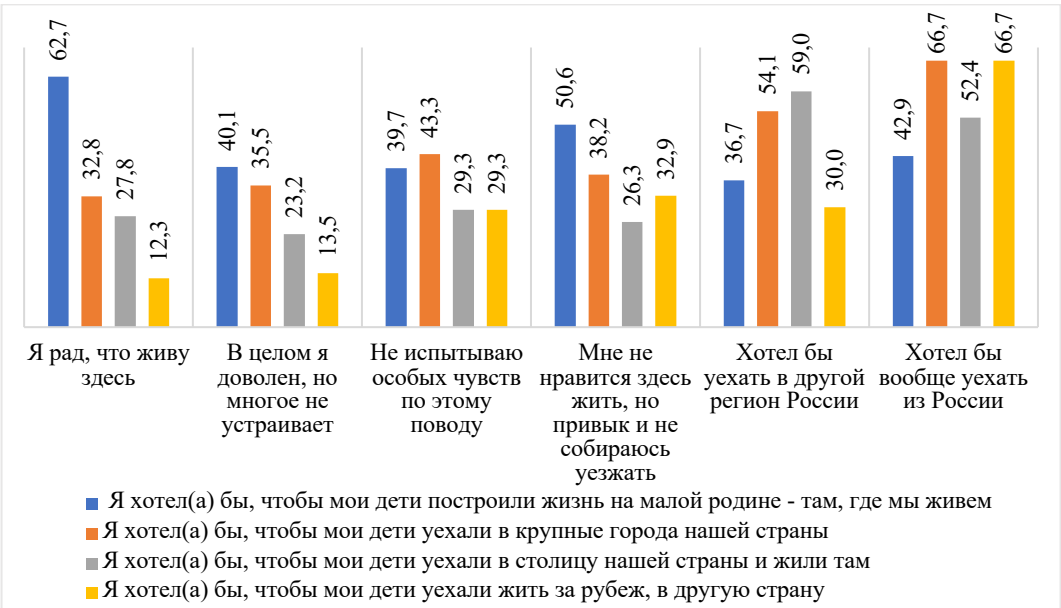

Рис. 5. Отношение к миграции детей в зависимости от оценки региона проживания, 2023 г. (%)

Fig. 5. Attitude to child migration depending on the attitude to the region of residence, 2023 (%)

При том, что практически половина (49,8%) жителей Вологодской области предпочла бы, чтобы их дети связали будущее с родным регионом, заметны территориальные различия (табл. 1). К примеру, жители г. Вологды чаще выражают желание, чтобы дети оставались в родном городе и строили там свою жизнь (58,3%), тогда как в г. Череповце этот показатель самый низкий по области (44,1%).

Больше трети (36,5%) взрослого населения Вологодской области склоняется к поддержке миграции детей в крупные города страны. Жители г. Череповца чаще остальных готовы поддержать переезд своих детей в столицу страны (37,9%), тогда как в районах области данный показатель существенно ниже (20,5%). Это может объясняться как более сильной привязанностью к месту жительства, так и

ограниченными материальными возможностями. Такая ситуация находит отражение в центростремительном характере миграции, что еще раз подтверждает связь миграционных установок и результатов миграции.

Половина респондентов Вологодской области (51,7%) считает эмиграцию нежелательным сценарием для собственных детей. Жители административных центров региона проявляют чуть большую открытость к миграции детей за границу: отрицательное отношение выражают 41,7% и 46,2%.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по территории проживания, 2023 г. (%)

Table 1

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by territory of residence, 2023 (%)

Ответы	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	7,7	58,3	34	14,1	44,1	41,8	20,6	48,3	31,1	15,4	49,8	34,8
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	23,1	38,2	38,7	15,3	31,3	53,4	26,3	38,7	35	22,4	36,5	41,1
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	27,6	30,6	41,8	18	37,9	44,1	43,8	20,5	35,7	32,4	28	39,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	41,7	19,3	39	46,2	19,7	34,1	60,9	14,1	25	51,7	17	31,3

Источник: здесь и далее составлено авторами по материалам опроса «Социокультурный портрет региона России», 2023 г.

Желание родителей, чтобы их отпрыски проживали на территории «родного» населенного пункта, имеет возрастные особенности: в 18–24 года таких респондентов насчитывается 36,6%, тогда как среди старшего поколения (старше 60 (55) лет) эта доля выше и составляет 55,5% (табл. 2). Для молодежи более характерно поддерживать идею переезда детей в крупные города России (51,4%), а также за границу (26,2%). В то же время среди представителей старшего возраста такие показатели существенно ниже: лишь 13,2% из них выражают одобрение возможной эмиграции детей.

Подобные различия могут быть обоснованы возрастными особенностями восприятия родительской ответственности и предпочтений, связанных с близостью детей, с одной стороны, а с другой – возрастом самих детей. Молодые люди могут рассматривать вероятность миграции своих детей более абстрактно, поскольку в их случае речь идет о детях дошкольного возраста, для которых самостоятельный

переезд в обозримом будущем не является актуальным, а часть респондентов может и вовсе не иметь детей.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по возрастным группам, 2023 г. (%)

Table 2

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by age group, 2023 (%)

Ответы	18...24			25...34			35...59 (54) лет			старше 60 (55) лет		
	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	21,8	36,6	41,6	18,1	45,0	36,9	14,4	49,3	36,3	13,7	55,5	30,8
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	11,9	51,4	36,7	16,5	42,5	41	22,6	34,1	43,3	27,2	33,4	39,4
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	17,6	44,4	38	26,2	29,4	44,4	30,3	28,3	41,4	41,0	23,4	35,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	31,2	26,2	42,6	44,7	20,6	34,7	51,8	17,3	30,9	59,4	13,2	27,4

Представления родителей о будущем месте жительства детей различаются у участников опроса в зависимости от образовательного уровня (табл. 3). Наибольшая доля тех, кто хотел бы, чтобы потомки остались жить на малой родине, у лиц со средним специальным образованием (52,4%), а наименьшая – у получивших послевузовское образование (36,4%). Стоит заметить, что среди интервьюируемых, имеющих послевузовское образование, максимальна доля испытывающих положительные чувства к региону проживания, в то время как доля планирующих будущее детей на малой родине – минимальна. Возможно, это связано с их мнением об ограниченности возможностей в регионе успешной профессиональной реализации, достижением высокого социального статуса и материального положения для представителей интеллектуальной элиты, основанном на собственном опыте. Переезд детей в крупные города страны в большей степени считают возможным респонденты со средним специальным (38,5%) и высшим профессиональным (36,0%) образованием. Эти же группы населения имеют наибольшие значения доли среди остальных касательно переезда детей в столицу – 29,1% и 28,2% соответственно. Вне зависимости от уровня образования большинство родителей-респондентов высказывается отрицательно в отношении эмиграции детей.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по уровню образования, 2023 г. (%)

Table 3

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by level of education, 2023 (%)

Ответы	Начальное, среднее, среднее общее			Среднее специальное			Высшее (бакалавр, специалист, магистр)			Послевузовское		
	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	17,9	49,1	33	17,7	52,4	29,9	11,4	47,0	41,6	9,1	36,4	54,5
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	29,7	30,8	39,5	22,9	38,5	38,6	19,8	36,0	44,2	9,1	27,3	63,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	34,3	23,8	41,9	32,7	29,1	38,2	31,2	28,2	40,6	40,9	13,6	45,5
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	48,8	15,7	35,5	53,2	18,1	28,7	50,2	16,3	33,5	50,0	9,1	40,9

Сравнение мнений респондентов, удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью, относительно будущего места жительства их детей демонстрирует определенные различия, хотя они не всегда являются статистически значимыми. Среди участников опроса, испытывающих удовлетворенность своим бытием, более половины (54,2%) предпочли бы, чтобы их отпрыски остались на малой родине, тогда как для группы неудовлетворенных жизнью этот показатель ниже – 42,1% (рис. 6). Однако наиболее заметные различия проявляются в значениях доли респондентов, которые не согласны с тем, чтобы их дети оставались на малой родине. Среди удовлетворенных жизнью эта доля почти в два раза меньше (13,8%), чем среди неудовлетворенных (22,8%), что может свидетельствовать о том, что неудовлетворенность собственной жизнью у респондентов может вызывать формирование миграционных настроений, поддержку переезда детей в другие регионы.

На втором месте по распространенности находится ответ опрошенных в отношении миграционных планов на переезд в крупные города России, причем доля, как среди удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью респондентов одинакова – 38,0%. Меньше трети участников опроса из обеих групп хотели бы, чтобы дети переехали в столицу (28,6%). Несогласие с этим утверждением также почти равноценно: 34,0% среди удовлетворенных и 31,8% среди неудовлетворенных. Большинство респондентов, как среди первых (55,4%), так и среди вторых (51,6%), не хочет, чтобы их наследники уезжали за границу.

Представленные нами данные показывают связь между уверенностью в будущем и предпочтениями интервьюеров относительно будущего своих детей (рис. 7).

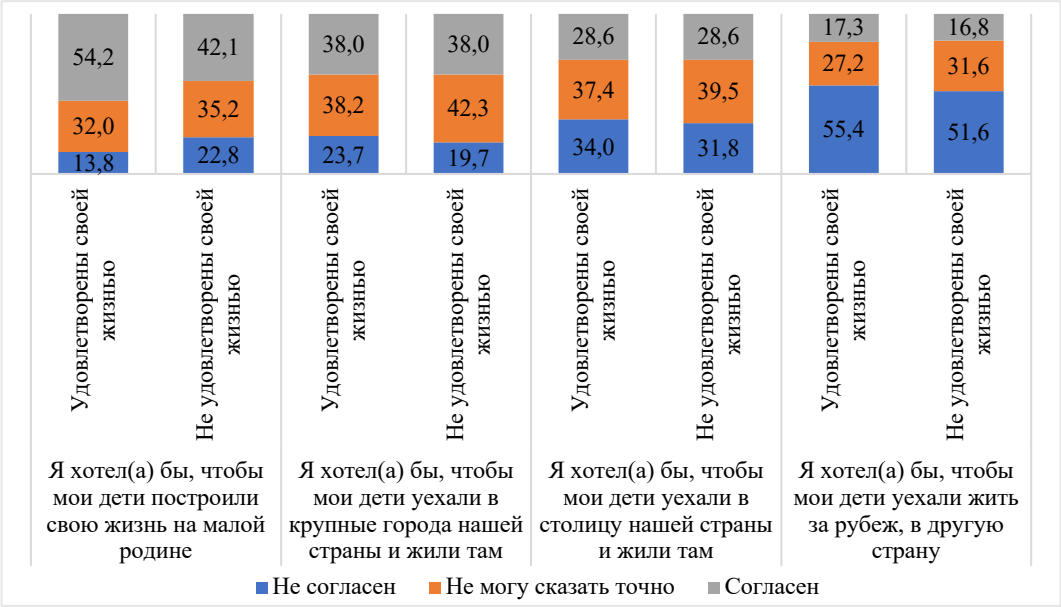

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по степени удовлетворенности жизнью, 2023 г. (%)

Fig. 6. Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by degree of life satisfaction, 2023 (%)

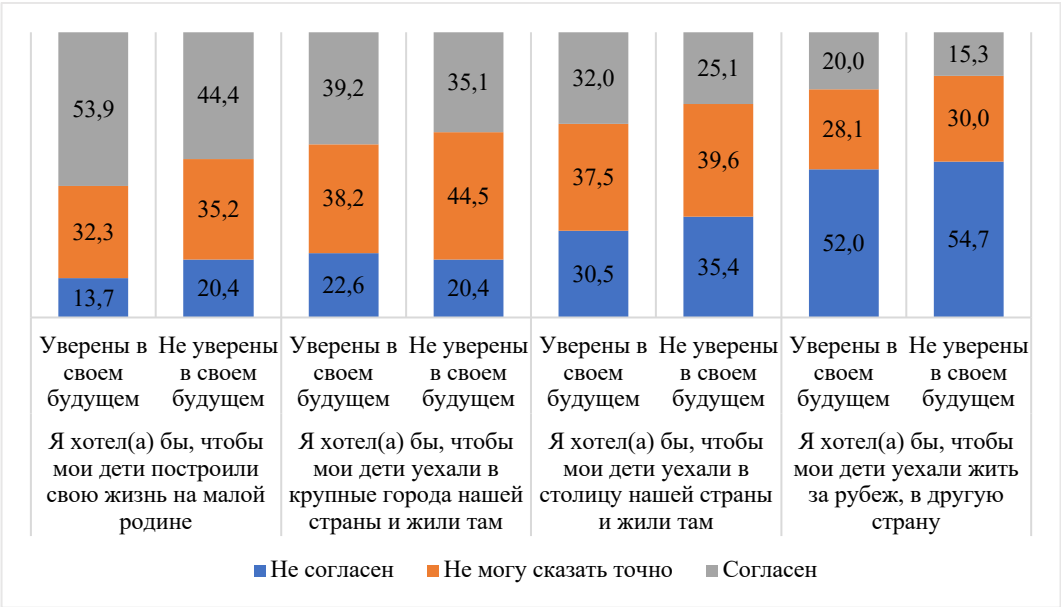

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по степени уверенности в своем будущем, 2023 г. (%)

Fig. 7. Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by degree of confidence in your future, 2023 (%)

Среди уверенных в своем будущем 53,9% хотели бы, чтобы их дети остались на малой родине, что на 9,5 процентных пунктов выше, чем среди неуверенных (44,4%). Это может говорить о том, что уверенность в будущем дне способствует большей приверженности к сохранению связи с текущим местом проживания.

Респонденты, уверенные в своем будущем, чуть чаще (39,2%), чем не уверенные (35,1%), строят миграционные планы о переезде детей в крупные города нашей страны (рис. 8). Применительно к переезду в столицу наблюдается противоположная тенденция: неуверенные чаще выступают против этого (35,4%) по сравнению с уверенными (30,5%), что, возможно, связано с более амбициозными ожиданиями уверенных в завтрашнем дне. По-прежнему миграционные планы относительно эмиграции отпрысков остаются самыми непопулярными среди всех остальных утверждений.

Обсуждение и выводы

Результаты опроса продемонстрировали, что большинство его участников положительно относится к региону своего места жительства (40,9%) и не выражает желания переехать (только 3,4% хотели бы переехать в другой регион России, а 1,2% – за границу). Это выступает устойчивым прекурсором приверженности территории проживания: даже в условиях экономических трудностей и ограниченных карьерных перспектив она снижает вероятность активного поиска альтернативного места жительства и свидетельствует о том, что эмоциональная привязанность выступает одним из главных барьеров перехода к стадии реального территориального перемещения. В то же время треть (35,2%) жителей области проявляет амбивалентное отношение к нынешнему месту проживания, что указывает на потенциальные риски роста миграционных настроений при ухудшении социально-экономической ситуации.

Несмотря на достаточно сдержанные собственные миграционные настроения, респонденты рассматривают переезд детей в крупные города и столицу как предпочтительный миграционный сценарий. В данном случае можно говорить о том, что родители сами выступают носителями латентной «миграционной стратегии» для собственных детей. Респонденты-родители проявляют готовность поддержать их переезд, воспринимая его как возможность улучшить качество жизни и социальные перспективы, и, вероятно, могут видеть в этом возможность реализации собственных когда-то нереализованных планов, например, о поступлении в престижный столичный ВУЗ или на работу в крупном городе страны. Это вскрывает некоторое противоречие между желанием сохранить стабильность для себя и желанием переезда для детей и может говорить о том, что регион воспринимается как малая родина, но не как пространство для реализации профессиональных и образовательных амбиций будущих поколений.

Территориальная идентичность влияет на миграционные настроения населения, что особенно заметно среди молодежи. Причем будущее детей с жизнью на Родине более всего связывают те, кто имеет выраженные позитивные чувства к месту проживания, и те, кто видит много минусов в регионе проживания, но не намерен переезжать. Здесь просматриваются два вида привязанностей к территории: одна основана на положительной оценке условий жизни, другая –

на эмоциональной укорененности при критичном восприятии региона. Вторая позиция выглядит более зрелой, отражающей любовь к Родине и потенциальную готовность менять жизнь к лучшему.

Возраст, этап жизненного цикла играют важную роль в формировании миграционных установок. Старшее поколение демонстрирует наиболее выраженную привязанность к родному региону и предпочло бы, чтобы и отпрыски оставались на малой родине, что обусловлено стремлением к стабильности и сохранению семейных связей. Молодежь (до 35 лет), напротив, чаще поддерживает миграционные сценарии и рассматривает перспективу жизни в крупных городах (51,4%) или за границей (26,2%). Более высокая миграционная мобильность молодых и их готовность к перемещениям обуславливается этапом получения образования, когда высшие учебные заведения выступают катализаторами миграции, и началом периода профессионального становления. Важно подчеркнуть, что образовательная миграция может быть частью жизненной траектории, предполагающей возвращение в родной регион при наличии привлекательных условий. Поэтому стратегической задачей региональной политики должно стать создание условий для возврата мигрантов: рабочих мест, профессиональных сообществ, каналов карьерного роста. В таком контексте поддержание и укрепление территориальной идентичности становится стратегически ориентированной задачей, влияющей в перспективе на устойчивое социально-демографическое и экономическое развитие региона.

Образовательный уровень респондентов также оказывает значимое влияние на их миграционные предпочтения. Лица с послевузовским образованием, несмотря на положительное отношение к своему месту жительства, реже желают, чтобы их дети оставались на малой родине. Что, вероятно, обусловлено осознанием ограниченных возможностей для профессионального и образовательного развития в регионе у данной группы населения. В свою очередь, респонденты со средним специальным и высшим образованием чаще поддерживают идею переезда детей в крупные российские города, включая столицу. Эти данные подтверждают роль мегаполисов как центров притяжения, где сконцентрированы ресурсы для личного и профессионального развития. Эмиграция вне зависимости от социально-демографических характеристик интервьюируемых, их удовлетворенности жизнью и уверенности в своем будущем, рассматривается ими как нежелательный сценарий, как для себя, так и для детей. Это может свидетельствовать о сохранении семейных ценностей и территориальной идентичности, но также быть следствием ограниченного понимания возможностей международной мобильности в текущем социально-экономическом контексте.

Таким образом, территориальная идентичность играет важную роль в формировании миграционных установок и намерений. Высокая удовлетворенность жизнью на Родине связана с желанием передать эту привязанность детям, что в целом снижает миграционные настроения, как у родителей, так и потенциально у их отпрысков. Отсутствие сильной эмоциональной привязанности к месту проживания способствует большей открытости к миграционным сценариям. Для Вологодской области было выявлено, что довольно большая доля респондентов демонстрирует ориентированность на альтернативные, более привлекательные, по их мнению, места жительства для детей. Причины такого мнения, по всей видимости, кроются

в дихотомии возможностей «центров» и «периферии», которые находят отражение в центростремительном характере миграции (жители сельских районов полагают, что их детям жить лучше в крупных городах области, жители крупных городов видят желательным переезд детей в другие регионы или столицу страны).

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что программы по регулированию миграции должны учитывать не только экономические стимулы, но и работу с миграционными настроениями, территориальной идентичностью и локальной привлекательностью региона, которые направлены не только для привлечения мигрантов, но и для всех групп населения, уже проживающих на территории региона. Разработанные меры должны быть ориентированы не только на самих молодых людей, но и на их родителей, поскольку формирование у родителей положительных установок относительно жизни в регионе и трансляция этих установок детям может сыграть значимую роль в снижении оттока молодежи из Вологодской области. Региональная миграционная политика должна создавать возможности для реализации потенциала каждого поколения в условиях родного региона. Именно такой комплексный и долгосрочный подход создаст надежный фундамент для демографической и социальной устойчивости Вологодской области и в схожих по характеристикам регионах.

Список литературы

1. Карачурина, Л. Б. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) / Л. Б. Карачурина, К. А. Иванова // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 51–60. EDN [ZWMRTJ](#).
2. Карачурина, Л. Б. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России / Л. Б. Карачурина, Ю. Ф. Флоринская // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 82–89. EDN [XZQZSR](#).
3. Будилов, А. П. Оценка миграционной ситуации в Вологодской области / А. П. Будилов, О. Н. Калачикова // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 5. С. 8. DOI [10.15838/sa.2020.5.27.8](#). EDN [LFZENK](#).
4. Jong, G. F. D. Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province / G. F. D. Jong, B. D. Root, R. W. Gardner, J. T. Fawcett // Population and Environment. 1986. Vol. 8, № 1. Pp. 41–62. DOI [10.1007/BF01263016](#).
5. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Книга 3: Теория трех стадий миграционного процесса. Москва : Экон-Информ, 2019. 218 с. ISBN 978-5-534-11727-1.
6. Мотрич, Е. Л. Студенчество Хабаровского края. Социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения / Е. Л. Мотрич, Е. Л. Ли, Е. О. Скрипник // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 47–57. EDN [IQFTOR](#).
7. Docquier, F. The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration / F. Docquier, G. Peri, I. Ruysen // International Migration Review. 2014. Vol. 48. Suppl. 1. Pp. 37–99. DOI [10.1111/imre.12137](#).
8. Otrachshenko, V. Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe / V. Otrachshenko, O. Popova // Journal of Socio-Economics. 2014. Vol. 48 (2). Pp. 40–49. DOI [10.1016/j.socsec.2013.09.008](#).
9. Chindarkar, N. Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? // Social Indicators Research. 2014. Vol. 115, № 1. Pp. 159–182. DOI [10.1007/s11205-012-0213-7](#).
10. Латова, Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 39–51. DOI [10.31857/S013216250010206-9](#). EDN [DHRKJF](#).
11. Ramkissoon, H. Perceived Social Impacts of Tourism and Quality-of-Life: A New Conceptual Model // Journal of Sustainable Tourism. 2023. Vol. 31. Pp. 442–459. DOI [10.1080/09669582.2020.1858091](#).

12. Frieze, I. H. Psychological Factors in Migration and Place Attachment in Slovene Students / I. H. Frieze, M. Y. Li, P. Drevenšek, et. al. // *Anthropos*. 2011. № 3. Pp. 179–191.
13. Симакова, А. В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18, № 2(131). С. 134–144. DOI: [10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144). EDN [GLFFJO](https://www.edn.ru/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144).
14. Мкртчян, Н. В. Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы / Н. В. Мкртчян, Р. И. Гильманов // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2023. Т. 87, № 1. С. 29–41. DOI [10.31857/S2587556623010132](https://doi.org/10.31857/S2587556623010132). EDN [LUPVRI](https://www.edn.ru/10.31857/S2587556623010132).
15. Bjarnason, T. Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities / T. Bjarnason, T. Thorlindsson // *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22, № 3. Pp. 290–300. DOI [10.1016/j.jrurstud.2005.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004).
16. Мкртчян, Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 1 (137). С. 225–242. DOI [10.14515/monitoring.2017.1.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15). EDN [YORVWV](https://www.edn.ru/10.14515/monitoring.2017.1.15).
17. Груздева, М. А. Социокультурный ракурс регионального развития: опыт многолетних наблюдений // *Социальное пространство*. 2022. Т. 8, № 2. Ст. 7. DOI [10.15838/sa.2022.2.34.7](https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7). EDN [EZFBAV](https://www.edn.ru/10.15838/sa.2022.2.34.7).

Сведения об авторах

Сokolova Анастасия Алексеевна, научный сотрудник, Центр социально-демографических исследований, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5434-8094](https://orcid.org/0000-0001-5434-8094); РИНЦ SPIN-код: [5845-3310](https://www.rincc.ru/5845-3310).

Калачикова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); РИНЦ SPIN-код: [4087-8120](https://www.rincc.ru/4087-8120).

Статья поступила в редакцию 16.03.2025; принята в печать 19.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

TERRITORIAL IDENTITY AND MIGRATION INTENTIONS OF THE VOLOGDA REGION RESIDENTS

Anastasia A. Sokolova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Olga N. Kalachikova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

E-mail: onk82@yandex.ru

For citation: Sokolova, A. A., Kalachikova, O. N. Territorial Identity and Migration Intentions of the Vologda Region Residents. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 138–156. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9).

Abstract. The article examines the territorial identity of residents of the Vologda Oblast and its relationship with migration moods. The study is based on data from the 2023 sociological survey “Sociocultural Portrait of a Russian Region” (2023 round). The findings indicate that a significant proportion of Vologda residents experience joy in living in their homeland and do not express strong migration intentions. However, despite this, one-third of respondents exhibit ambivalent feelings toward the region: while they hold a generally positive attitude toward their place of residence, they are dissatisfied with certain aspects, which makes them more open to the possibility of relocating in the future. Additionally, respondents tend to be more accepting of the idea of their children migrating, particularly to major cities and the capital.

The analysis revealed that age and education influence migration attitudes, both in relation to the respondents themselves and their children. Younger individuals are more likely to consider relocating, while the older generation is more inclined to stay in their home region and, in more than half of the cases, expresses a desire for their children to build their future in the Vologda Region. Residents with postgraduate education are less likely to want to move themselves but are more supportive of their children migrating to larger cities. Respondents who are satisfied with their lives and feel secure about the future are more likely to want their children to stay in their homeland, compared to those who do not share such sentiments. The relevance of this study is heightened by the fact that parents play a significant role in shaping and realizing their children's migration attitudes. The findings highlight the importance of taking migration sentiments and territorial identity into account when shaping regional migration policy.

Keywords: migration, territorial identity, migration intentions, migration moods, migration attitudes, regional migration, Vologda Oblast

References

1. Karachurina, L. B., Ivanova, K. A. Migration of the Elderly in Russia (According to 2010 Census Data). *Regional studies*. 2017. No. 3 (57). Pp. 51–60. (In Russ.).
2. Karachurina, L. B., Florinskaya, Yu. F. Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*. 2019. No. 6. Pp. 82–89. (In Russ.).
3. Budilov, A. P., Kalachikova, O. N. Assessing Migration Situation in the Vologda Oblast. *Social Area*. 2020. Vol. 6, No. 5. P. 8. DOI [10.15838/sa.2020.5.27.8](https://doi.org/10.15838/sa.2020.5.27.8). (In Russ.).
4. Jong, G. F. D., Root, B. D., Gardner, R. W., Fawcett, J. T. Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province. *Population and Environment*. 1986. Vol. 8, No. 1. Pp. 41–62. DOI [10.1007/BF01263016](https://doi.org/10.1007/BF01263016).
5. Rybakovsky, L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protessa [History and Theory of Population Migration. Book 3: Theory of Three Stages of the Migration Process]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2019. 218 p. ISBN 978-5-534-11727-1. (In Russ.).
6. Motrich, E. L., Li, E. L., Skripnik, E. O. Socio-Professional and Migration Orientations and Behavior Motivation (Khabarovsk Territory). *Sociological studies*. 2008. No. 5 (289). Pp. 47–57. (In Russ.).
7. Docquier, F., Peri, G., Ruysen, I. The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. 2014. Vol. 48. No. Suppl. 1. Pp. 37–99. DOI [10.1111/imre.12137](https://doi.org/10.1111/imre.12137).
8. Otrachshenko, V., Popova, O. Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. 2014. Vol. 48 (2). Pp. 40–49. DOI [10.1016/j.socsc.2013.09.008](https://doi.org/10.1016/j.socsc.2013.09.008).
9. Chindarkar, N. Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 115, No. 1. Pp. 159–182. DOI [10.1007/s11205-012-0213-7](https://doi.org/10.1007/s11205-012-0213-7).
10. Latova, N. V. Migration Attitudes and Preferences of Russian Workers in the Context of the Human Capital Concept. *Sociological Studies*. 2020. No. 10. Pp. 39–51. DOI [10.31857/S013216250010206-9](https://doi.org/10.31857/S013216250010206-9). (In Russ.).
11. Ramkissoon, H. Perceived Social Impacts of Tourism and Quality-of-Life: A New Conceptual Model. *Journal of Sustainable Tourism*. 2023. Vol. 31. Pp. 442–459. DOI [10.1080/09669582.2020.1858091](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1858091).
12. Frieze, I. H., Li, M. Y., Drevenšek, P., et al. Psychological Factors in Migration and Place Attachment in Slovene Students. *Anthropos*. 2011. No. 3. Pp. 179–191.
13. Simakova, A. V. Youth Migratory Intentions at (Post)Extractive Arctic Mono-Industrial Cities: Live or Leave. *Social Policy and Sociology*. 2019. Vol. 18, No. 2 (131). Pp. 134–144. DOI [10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144). (In Russ.).
14. Mkrtchyan, N. V., Gil'manov, R. I. Moving Up: Migration Between Levels of the Settlement Hierarchy in Russia in the 2010s. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]*. 2023. Vol. 87, No. 1. Pp. 29–41. DOI [10.31857/S2587556623010132](https://doi.org/10.31857/S2587556623010132). (In Russ.).
15. Bjarnason, T., Thorlindsson, T. Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities. *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22, No. 3. Pp. 290–300. DOI [10.1016/j.jrurstud.2005.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004).
16. Mkrtchyan, N. V. The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. No. 1 (137). Pp. 225–242. DOI [10.14515/monitoring.2017.1.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15). (In Russ.).
17. Gruzdeva, M. A. Socio-Cultural Perspective of Regional Development: Experience of Long-Term Observations. *Social Area*. 2022. Vol. 8. No. 2. Art. 7. DOI [10.15838/sa.2022.2.34.7](https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7). (In Russ.).

Bio notes

Anastasia A. Sokolova, Researcher, Center for Social and Demographic Research, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5434-8094](https://orcid.org/0000-0001-5434-8094); RSCI SPIN code: [5845-3310](https://www.rsci.ru/spin/5845-3310).

Olga N. Kalachikova, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Deputy Director for Research, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); RSCI SPIN code: [4087-8120](https://www.rsci.ru/spin/4087-8120).

Received on 16.03.2025; accepted for publication on 19.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.